

*Oryginalna praca badawcza***РОМАН ТАРАСЕВИЧ**

ПРИКАРПАТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВАСИЛИЯ СТЕФАНИКА, ИВАНО-ФРАНКОВСК

**МЕЖДУ КОНФРОНТАЦИЕЙ И СОТРУДНИЧЕСТВОМ:
ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
НА СТАНИСЛАВЩИНЕ В 1944-1946 ГГ.**

Ключевые слова: *польское население, советская власть, Станиславицина, конфронтация, сотрудничество*

Key words: *Polish people, Soviet authority, Stanislav region, confrontation, collaboration*

Проблема отношений между польским меньшинством и властью на Станиславщине в советский период, особенно с 1944 г., остается малоизученной как в украинской, так и в польской историографии. Отдельные ее аспекты рассматриваются в работах Гжегожа Мазура¹, Ежи Венгерского², Станислава Ястшембского³ и других авторов. Цель данной статьи – представить целостную картину отношений между польским населением и советской властью в 1944-1946 гг. на территории Станиславской области Украинской ССР.

Весной 1944 г. Красная Армия провела Проскуровско-Черновицкую операцию, вследствие которой под советским контролем оказалась восточная часть Станиславщины. 25 марта войска 1-го Украинского фронта форсировали Днестр и овладели Городенкой. В последующие дни красноармейцы заняли Коломью (28 марта), Снятын (29 марта), Надворную (30 марта) и Косов (31 марта). Однако попытки выбить немецко-венгерские войска из Станислава оказались

¹ G. Mazur, *Pokucie w latach drugiej wojny światowej: położenie ludności, polityka okupantów, działalność podziemia*, Kraków 1994.

² J. Węgierski, *Armia Krajowa w okręgach Stanisławów i Tarnopol*, Kraków 1996.

³ S. Jastrzębski, *Samoobrona Polaków na Kresach Południowo-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1946*, Wrocław 2008.

тщетными. В апреле 1944 г. последние перешли в контрнаступление и отодвинули линию фронта к окрестностям Обертина, Коломыи и Косова, после чего она стабилизировалась до июля того же года⁴.

Успехи советских войск в течение 1943 г. окончательно убедили руководство Армии Крайовой (АК) в том, что Польшу будут освобождать от немецкой оккупации вооруженные силы СССР, а не западных альянтов. Нужно было определиться с линией поведения относительно Красной Армии, когда она пересечет довоенную восточную границу Польской Республики. Ситуацию усложняло то, что 25 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с польским эмиграционным правительством в Лондоне. Поводом стало «Катынское дело». Кремль не только категорически отрицал свою причастность к массовым расстрелам польских офицеров, чьи захоронения обнаружили немцы под Смоленском, но и обвинил правительство генерала Владислава Сикорского в поддержке «клеветнической кампании» нацистов, чтобы таким образом добиться территориальных уступок «за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы»⁵. Вопрос польско-советской границы был камнем преткновения в отношениях двух государств. Руководство СССР стремилось сохранить аннексированные в 1939 г. восточные территории Польской Республики, а правительство последней настаивало на восстановлении довоенной границы.

20 ноября 1943 г. командующий АК генерал Тадеуш Коморовский (псевдоним «Бур») издал приказ № 1300/III о проведении акции «Буря». Планировалось, что в момент отступления вермахта с польских территорий под натиском Красной Армии аковцы будут нападать на арьергарды немцев и осуществлять диверсии на их коммуникациях. Если бы существовала возможность взять под свой контроль какой-то населенный пункт, то следовало это делать. Такая активность АК демонстрировала бы всему миру, что поляки, возглавляемые законным правительством в Лондоне, борются за освобождение своей страны от немецкой оккупации, а Красная Армия им в этом помогает. Основная цель «Бури» была не столько военной, сколько политической⁶.

Станиславский округ АК во главе с капитаном Владиславом Германом (псевдоним «Глобус») охватывал территорию Станиславской области и некоторые районы Дрогобыччины (бывшие Стрыйский и Жидачовский поветы Станиславского воеводства). В январе 1944 г. он насчитывал 3855 подпольщиков: 1) Штаб округа – 42 человека; 2) Станиславский инспекторат (районы «Рогатин», «Станислав-повет», «Глумач») – 1209 человек; 3) Стрыйский инспекторат (районы «Долина», «Калуш», «Жидачов», «Стрый») – 1191 человек; 4) Коломыйский

⁴ *Історія міст і сіл Української РСР*, т. 9: *Івано-Франківська область*, Київ 1971, с. 69, 179-180, 290, 353, 404-405, 524, 590.

⁵ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы*, т. 1: *22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г.*, Москва 1944, с. 301-303.

⁶ K. Krajewski, *Na straconych posterunkach: Armia Krajowa na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej*, Kraków 2015, s. 553-556.

инспекторат (районы «Городенка», «Коломыя», «Надворная») – 1309 человек; 5) Самостоятельный район «Станислав-город» – 104 человека. По состоянию на 1 марта 1944 г. местное польское подполье имело на вооружении: 1 станковый пулемет без патронов к нему, 3 ручных пулемета без патронов к ним, 62 карабина с 4377 патронами к ним, 68 пистолетов с 2223 патронами к ним, 9 пистолетов-пулеметов с 930 патронами к ним, 1112 ручных гранат с 1100 запалами к ним⁷.

10 марта 1944 г. Владислав Герман издал боевой приказ к «Буре» для Станиславского округа АК. Подпольщики должны были осуществлять диверсии на коммуникациях немцев, а после отхода главных сил врага – вести бои с отступающими арьергардами вермахта на территории каждого района⁸. Однако Коломыйский инспекторат, который первым столкнулся с перемещением линии фронта, никакого участия в акции «Буря» не принял. Во время боев за Коломыю, когда город переходил из рук в руки, офицеры из команды инспектората – поручик Владислав Шаст, поручик Петр Теодорчик и подпоручик Казимир Билейчук – выехали в Черновцы. По мнению Ежи Венгерского, тамошняя АК не получила соответствующего приказа и поэтому не вышла из подполья⁹. Впрочем, одну вооруженную акцию против немцев на территории Станиславской области аковцы осуществили. 28 марта 1944 г. они пустили под откос поезд на линии Станислав – Тлумач. В результате возникла 20-часовая задержка в движении на упомянутом железнодорожном участке¹⁰. Именно в это время Красная Армия вела наступление в направлении Станислава.

Некоторые поляки приветствовали советские войска. В Гвоздце и Коломые они встретили красноармейцев речами и венками, а в Косове и соседнем селе Пистынь – угощали солдат табаком и водкой¹¹. Коломыяне-поляки вывесили на своих домах бело-красные и красные флаги, но «советы» распорядились польские флаги снять¹². Похожие случаи имели место и в других населенных пунктах. В Лесной Тарновице (современный Надворнянский район) были вывешены польские и советские флаги, а в Надворной и Польной Тарновице (нынешняя Терновица Тысменицкого района) – только бело-красные¹³.

Польское население приобщилось к формированию местной советской администрации. В отчетах украинского подполья упоминаются «польские правления», «польские управы» и «польские комитеты». Например, «в Коломые большевики создали коммунистический комитет с коммунистом-поляком

⁷ W. Bonusiak, *Małopolska Wschodnia pod rządami Trzeciej Rzeszy*, Rzeszów 1990, s. 180, 184.

⁸ G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 117.

⁹ J. Węgiński, *Armia Krajowa...*, s. 104, 247.

¹⁰ G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 121.

¹¹ Є. Самборський, *Співпраця поляків Західної України з радянськими карально-репресивними органами (1944-1946 рр.)*, «Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету» 2011, Вип. 22, с. 102.

¹² J. Węgiński, *Armia Krajowa...*, Kraków 1996, s. 248.

¹³ *Польсько-українські стосунки в 1942-1947 роках у документах ОУН та УПА*, т. 1: *Війна під час війни. 1942-1945*, ред. В. В'ятрович, Львів 2011, с. 495, 528, 730-731.

Пляскозубом во главе. Подобные комитеты из поляков возникли в Заболотове, Гвоздце и Снятыне»¹⁴. «Польские» местные органы власти существовали также в Делиеве, Мариямполе (оба села входят в состав нынешнего Галицкого района), Тлумаче, Отынии, Надворной, Среднем Майдане (современный Надворнянский район) и Ломаджине (современные Вишневцы Надворнянского района)¹⁵. Еще одной формой сотрудничества поляков с советской властью были доносы на украинцев. Для иллюстрации процитируем один из документов украинского подполья:

«[...] В городе Богородчаны поляки изготовили список врагов большевизма. В списке было 150 украинцев. Этот список показывал один командир, который говорил, что его изготовили Витковский Юзеф с сыном, Пастернак Михал и Трохацик Михал с сыном Рудольфом.

13.IV.44 г. в с. Олеша [современный Тлумачский район. – Авт.] Квечень Юзеф из с. Богородчаны [наверное, речь идет о Богородичине в нынешнем Коломыйском районе. – Авт.] привел шестерых большевиков в дом, где находилась группа [украинских повстанцев. – Авт.]. Произошел бой, в котором пало трое большевиков, а трое вместе с Квеченем сбежали. Два часа позже приехали под этот дом на бронев автомобиле большевики и сожгли его.

В с. Глубокая [наверное, речь идет о селе в современном Коломыйском районе. – Авт.] по доносу поляков большевики расстреляли начальника общины Козубяка Феликса.

В Отынии по доносу поляков Гольского Казимира и Гута Петра арестовали большевики Бенеш Стахию, Черноокого Семена, Иванцива Дмитрия.

В с. Пнев [нынешний Надворнянский район. – Авт.] по доносу местных поляков большевики арестовали бывшего председателя Укр[аинского] Комитета Збудовского.

15.IV.44 г. в Бортники [современный Тлумачский район. – Авт.] приезжали большевики арестовывать украинцев. С ними были поляки Вицковые из Олеша [...]»¹⁶.

Советская власть активно привлекала поляков к службе в истребительных батальонах (ИБ). Данные парамилитарные формирования использовались для борьбы с украинским освободительным движением и охраны важных учреждений, предприятий и объектов инфраструктуры¹⁷. Некоторые ИБ полностью состояли из поляков либо они там численно доминировали. Местное украинское население часто называло такие истребительные батальоны «польской милицией». Возглавляли ИБ в основном офицеры НКВД¹⁸, но не всегда. Встречались

¹⁴ Там же, с. 732.

¹⁵ Там же, с. 494-495, 520, 528.

¹⁶ Там же, с. 530.

¹⁷ В. Ільницький, *Створення та діяльність у західних областях УРСР радянських парамілітарних формувань (1944-1954 рр.)*, «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ» 2011, № 2 (37), с. 53; Г. Стародубець, *Особливості формування та діяльності винищувальних батальйонів у 1944-1945 роках*, «Український визвольний рух» 2010, № 14, с. 110-111, 113-114.

¹⁸ Є. Самборський, *Співпраця поляків...*, с. 102.

случаи, когда командирами были поляки, в том числе члены АК¹⁹. Большевиков такое сотрудничество привлекало тем, что местные поляки хорошо ориентировались в локальной топографии и системе социальных отношений (знали, кто из их земляков имеет связи с Организацией украинских националистов (ОУН) и Украинской Повстанческой Армией (УПА) либо сам принадлежит к ним). Одновременно их, в отличие от украинцев, тяжело было заподозрить в симпатиях к украинскому освободительному движению. Поляков подталкивала к вступлению в истребительные батальоны прежде всего возможность владеть оружием на законных основаниях и защищать себя и свои семьи от нападений УПА. Определенная часть «стрибков» польской национальности рассматривала службу в ИБ как шанс отомстить украинцам за собственные обиды и потерю близких. Несомненно, что были и те, кто стремился выслужиться перед советской властью и сделать карьеру, и те, кто надеялся на материальное обогащение за счет врагов этой власти. Впрочем, не все поляки становились бойцами истребительных батальонов по собственной воле. Многих направили туда военкоматы²⁰.

Сотрудничество польского населения с советской властью в рамках ИБ не способствовало прекращению польско-украинского вооруженного конфликта на территории западных областей Украинской ССР. Ситуация напоминала замкнутый круг. Украинское подполье обвиняло поляков в коллаборации с «советами» и продолжало осуществлять антипольские акции, жертвой которых главным образом становилось гражданское население польской национальности. Поляки, в свою очередь, чувствовали угрозу своей жизни со стороны УПА, а потому не переставали вступать в истребительные батальоны. К тому же «польские стрибки» нередко совершали преступления против украинского мирного населения, что тоже усиливало межнациональную вражду.

29 апреля 1944 г. Михаил Слонь, первый секретарь Станиславского обкома КП(б)У, сообщал первому секретарю ЦК КП(б)У Никите Хрущеву: «В целом отношении населения к органам советской власти хорошее. [...] 15-16 апреля с. г. в г. Коломыя собралось 600 человек народа, в основном поляки, от себя прислали в обком партии 2-х человек делегатов с просьбой дать им оружие, чтобы они могли вести борьбу с украинско-немецкими националистами. [...] Почти во всех районах организованы истребительные отряды от 30 до 100 человек из местного актива, главным образом поляков»²¹. Коломыйский ИБ возник на базе подразделения АК, поскольку руководство тамошнего польского подполья пошло на сотрудничество с советской властью. Болеслав Мечковский, служивший в этом истребительном батальоне, вспоминал: «Соглашение было простым. АК обязалась прекратить любые действия, направленные против

¹⁹ T. Balbus, *Polskie «istriebitielne bataliony» NKWD w latach 1944-1945*, „Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” 2002, nr 6 (17), s. 72.

²⁰ Г. Мотика, *Від Волинської різанини до операції «Вісла». Польсько-український конфлікт 1943-1947 рр.*, Київ 2013, с. 213.

²¹ Державний архів Івано-Франківської області (далее: ДАІФО), ф. П-1, оп. 1, спр. 168, арк. 43-44.

«советов», а большевики позволили нам сохранить оружие и защищать гражданское население от украинцев. Это была услуга за услугу. У них не было людей, чтобы контролировать ситуацию в тылу фронта, а мы хотели покончить с резнями наших соотечественников»²². Командиром ИБ стал поляк капитан Киркин, заместителем по строевой части – подпоручик Вальчак, заместителем по воспитательной работе – профессор Кшыжановский. Вооружили «стрибков» немецким трофейным оружием²³. В Городенке польская самооборона тоже влилась в состав местного истребительного батальона. Заболотовским ИБ командовали польские офицеры²⁴. Из-за отсутствия более подробной информации можем только подозревать, что они были членами АК. «Польские» парамилитарные формирования возникли также в Снятыне²⁵, Надворной, Отынии, Среднем Майдане, Делиеве и Лисце²⁶.

Истребительные батальоны, сформированные из поляков, уже на заре своего существования провели несколько боев с украинскими повстанцами. В марте 1944 г., вскоре после того, как Красная Армия заняла Снятын, отряд УПА численностью до 50 человек попытался захватить город. Однако «польский» ИБ отбил нападение. 16 апреля произошел бой в Быткове и Пасечной Надворнянского района. УПА потеряла 36 бойцов убитыми. Потери «польских стрибков» были намного меньше: 2 убитых и 5 раненых²⁷. Впрочем, отчет украинского подполья дает совсем другую картину того, что случилось в Быткове. Согласно ему, вследствие длительного боя погибли около 100 поляков и 40 большевиков. Украинские повстанцы отступили лишь потому, что на помощь врагу пришли советские танки из Надворной, а их потери составили: 2 убитых и 1 раненый²⁸.

«Стрибки» польской национальности, как отмечалось выше, нередко совершали преступления против украинцев. Ярким примером является деятельность «польской милиции» из Надворной во главе с Петром Рерудкевичем. Она вместе с красноармейцами устраивала у зажиточных хозяев обыски, во время которых ее члены «грабили все, что только попадало им в руки: скот, пищу, одежду, кожу и т. п.» Также милиционты под лозунгом борьбы с врагами народа сводили личные счеты с украинцами. 15 апреля 1944 г. в селе Переросль, недалеко от Надворной, «польская милиция» ограбила 6 хозяев и разбила окна в домах. Вскоре, 17 апреля, убегая от венгерских войск, надворнянские милиционты забрали с собой около 50 заключенных, которых по дороге расстреляли²⁹.

²² P. Zychowicz, *Z wrogiem na wroga (fragment „Rzeczypospolitej” od 16 stycznia 2010 r.)*, www.nawolyniu.pl/artukuly/bataliony.htm (дата обращения: 22.03.2019 г.).

²³ G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 182.

²⁴ S. Jastrzębski, *Samobrona Polaków...*, s. 141, 191.

²⁵ Г. Мотика, *Від Волинської різанини...*, с. 213.

²⁶ *Польсько-українські стосунки...*, с. 494, 520, 529-530.

²⁷ ДАІФО, ф. П-1, оп. 1, спр. 168, арк. 44.

²⁸ *Польсько-українські стосунки...*, с. 743.

²⁹ Там же, с. 530, 733.

Польское периодическое издание «Слово Польское» (№ 34 от 16 июля 1944 г.) так описывает отношения между польским населением и советской властью, существовавшие весной – летом 1944 г. на подконтрольной большевикам части Станиславщины: «[...] Из Коломыи сообщают, что большевики, как и до сих пор, берут там в армию только добровольцев. Есть польская милиция в советских мундирах. Арестовано, вывезено и расстреляно определенное количество украинцев. Бывают также случаи арестов и вывозов среди поляков, однако это касается тех, чье тесное сотрудничество с немцами доказано большевиками. Объявления администрации издаются на русском и польском языках. Должности заняты почти одними поляками [...]»³⁰.

В ходе Львовско-Сандомирской операции (июль – август 1944 г.) советские войска заняли почти всю территорию Станиславской области. Красная Армия овладела Рогатином (23 июля), Галичем (24 июля), Тлумачем (25 июля), Надворной (26 июля), Станиславом (27 июля), Калушем (30 июля), Долиной (4 августа) и Болеховом (6 августа). Исключение составляли только отдельные горные районы, в частности Ворохта и Жабье (современная Верховина), которые оказались под советским контролем в сентябре 1944 г. вследствие Карпатско-Ужгородской операции³¹.

С началом наступления Красной Армии польское подполье продолжило «Бурю». Накануне, в июне 1944 г., Станиславский округ АК насчитывал 7574 человека. Наибольшие силы имел в своем распоряжении Стрыйский инспекторат³². Однако Калушский район АК, входивший в его состав, находился в дезорганизованном состоянии. В июне 1944 г. гестапо арестовало заместителя местного коменданта Алексея Прокопьяка (псевдоним «Карась») и это вызвало панику среди подпольщиков. Боясь повторить его судьбу, комендант Леопольд Свадовский (псевдоним «Славирь») выехал в Стрый и вернулся лишь в августе. Вместе с ним Калуш покинул Константин Пентковский (псевдоним «ИБ»), который возглавлял одну из двух компаний Калушского района АК³³.

«План действий» во время «Бури» от 5 июля 1944 г., предусматривал, что небольшие отряды Армии Крайовой «из восточных частей» Станиславского округа, то есть Станиславской области, должны были объединиться под Стрыем с тамошним отрядом, если не было бы возможности выполнять задания на местах. 7 июля того же года появились «Указания к акции Б». В соответствии с ними, партизанские отряды Стрыйского инспектората и самостоятельного

³⁰ K. Sura, *Czas „Burzy” w świetle bieżących publikacji konspiracyjnego pisma lwowskiego „Słowo Polskie”*, Materiały Ogólnopolskiego Sympozjum nt.: Operacja zbrojna Armii Krajowej kryptonim „Burza” na ziemiach Kresów Płd.-Wsch. II-giej Rzeczypospolitej w 1944 r., oprac. i red. J. Kwiek, Kraków 1994, s. 78.

³¹ *Исторія міст і сіл...*, с. 69, 118, 143, 212, 250, 405, 413, 448, 575; G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 186-188.

³² J. Węgierski, *Armia Krajowa...*, s. 50, 66, 84.

³³ Архів Управління Служби безпеки України в Івано-Франківській області (далее: Архів УСБУ ІФО), спр. 13601 П, т. 1, арк. 15, 17-18, 24 зв.

района «Станислав» должны были сконцентрироваться «в лесах к югу от Красного». Наверное, речь шла о лесных массивах между Стрыем и селами Луковец-Вишневицкий и Луковец-Журовский (современный Рогатинский район). Перечень задач, которые стояли перед аковцами, наталкивает именно на такую мысль³⁴. Тем не менее польское подполье из Станиславщины так и не приняло участия в «Буре». Исключение составляла только база самообороны в Луковце во главе с подпоручиком Эдвардом Поляком (псевдоним «Лан»). Местный отряд АК насчитывал около 60 человек. 22 июля 1944 г. от коменданта Стрыйского инспектората поручика Здзислава Пацака (псевдоним «Анджей») поступил приказ об объединении сил. Он был исполнен, а два отряда соединились в Корчунке-Дашавском, недалеко от Стрыя. Теперь под командованием Пацака находилось около 150 человек. Впрочем, как сообщал «Лан», наибольшей акцией стало убийство одного немца из транспортной колонны, которая убегала от советских войск³⁵.

Кульминацией акции «Буря» на территории западных областей Украинской ССР стали бои за Львов, во время которых около 4 тыс. аковцев помогали Красной Армии овладеть городом. Советская власть отнеслась к польскому подполью негативно и развернула против него репрессии³⁶. Руководство АК предвидело такое развитие событий, поэтому еще на рубеже февраля и марта 1944 г. начало создавать новую тайную организацию, которая позже получила название «Независимость» (НЕ)³⁷. Она должна была быть кадровой и глубоко законспирированной. Однако в Галичине НЕ была «механическим» продолжением АК³⁸. Здесь организация возникла на базе уже существующих ячеек польского подполья, которым удалось уцелеть во время арестов в августе – сентябре 1944 г. К тому же об изменении названия были проинформированы только руководящие кадры. Рядовые подпольщики по-прежнему считали себя членами АК³⁹.

В западной части Станиславской области, которая оказалась под советским контролем летом 1944 г., поляки тоже массово вступали в истребительные батальоны. Такая ситуация наблюдалась, в частности, в Станиславе. Гжегож Мазур пишет, что местный ИБ просуществовал около 3 месяцев, после чего его бойцов мобилизовали в ряды 2-й Армии Народного Войска Польского в Ряшеве⁴⁰. Тем не менее совсем другие сведения находим в Станиславе Ястшембского. Он сообщает, что в Станиславе были созданы два истребительных батальона. Кроме того, Ястшембский утверждает, что служил в одном из них в период с августа 1944 г. по март 1946 г. Полностью из поляков

³⁴ G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 118-119.

³⁵ J. Węgiński, *Armia Krajowa...*, s. 259.

³⁶ Г. Мотика, *Від Волинської різанини...*, с. 209-212.

³⁷ J. Węgiński, *Armia Krajowa...*, s. 263.

³⁸ K. Krajewski, *Na straconych posterunkach...*, s. 747.

³⁹ T. Balbus, „Ostatni kapitanowie”. *Epilog Komendy Obszaru Lwowskiego „Nie” ewakuowanej na ziemie zachodnie Polski*, „Pamięć i Sprawiedliwość” 2002, nr 2 (2), s. 158.

⁴⁰ G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 187.

состоял один из взводов Богородчанского ИБ. Им командовал подхорунжий Ян Прохачка⁴¹. «Польская милиция» существовала в Долине (55 человек), Марьямполе и Волчке (42 человека), Делиеве (37 человек) и Медухе (10 человек). В Калуше из 130 милиционеров «при НКВД» 120 были поляками и лишь 10 – украинцами. Возглавлял их поляк Петралак⁴². В Луковце-Вишневском, Луковце-Журовском и Польной Тарновице истребительные батальоны возникли на базе местной польской самообороны. Много поляков служило в ИБ из Отынии, Тысменицы и Святого Юзефа (современный Коломыйский район)⁴³. Осенью 1944 г. у населения появился новый стимул вступать в ряды истребительных батальонов. 20 октября вышло распоряжение НКВД СССР о том, что бойцов этих парамилитарных формирований не будут призывать в армию⁴⁴.

Деятельность «польских стрибков» только ухудшала польско-украинские отношения на Станиславщине. 29 августа 1944 г. произошел погром села Грабовец (нынешний Богородчанский район). Во время облавы на призывников силы НКВД и «стрибки», в основном поляки из Богородчан, Надворной и Ланчина, наткнулись на группу воинов УПА (8 человек). Бой, окончившийся гибелью всех украинских повстанцев, очень разозлил нападавших. Они начали жечь дома и убивать крестьян. Пойманных поляков погромщики сразу отпускали. В целом сторело около 300 хозяйств, 86 человек погибли, а около 70 арестовали⁴⁵. Случаи жестокого обращения «польских стрибков» с украинским населением происходили достаточно часто. Приведем лишь один из них. 28 января 1945 г. «стрибки» польской национальности из Отынии во время обысков в Гостеве (современный Тлумачский район) «били женщин, детей и грабили, что попало им в руки, называя людей хамами, быдлом и т. п.» Они убили Михаила Стемашука и издевались над его телом, говоря: «Вот тебе, сукин сын, самостоятельная Украина», и другие грубые выражения⁴⁶.

Поляки не подвергались со стороны советской власти дискриминации в доступе к руководящим должностям. По состоянию на 27 сентября 1944 г. они составляли 17% среди номенклатурных работников Станислава⁴⁷. Отдельные поляки занимали высокие должности в администрации. В частности, Вильгельм Столярчук возглавлял отдел социального обеспечения Станиславского городского совета депутатов трудящихся⁴⁸. Находились желающие сотрудничать и с со-

⁴¹ S. Jastrzębski, *Samobrona Polaków...*, s. 108, 125.

⁴² *Польсько-українські стосунки...*, с. 736-737.

⁴³ S. Jastrzębski, *Samobrona Polaków...*, s. 89, 94-95, 150, 156; G. Mazur, *Pokucie w latach...*, s. 187.

⁴⁴ С. Самборський, *Співпраця поляків...*, с. 103.

⁴⁵ Электронний архів українського визвольного руху, *Протокол у справі акції на с. Грабовець Богородчанського району від 31 серпня 1944 р.*, avr.org.ua/viewDoc/6998 (дата обращения: 28.02.2020 г.).

⁴⁶ *Літопис УПА. Нова серія*, т. 28: *Станиславівська округа ОУН: документи і матеріали референтури СБ. 1945-1951*, кн. 1: *1945-1946*, Київ-Торонто 2018, с. 47-48.

⁴⁷ ДАІФО, ф. П-2, оп. 1, спр. 31, арк. 63.

⁴⁸ Там же, спр. 11, арк. 27.

ветскими карательными органами. В августе 1944 г. полька из Пацикова (теперь Подлесье Тысменицкого района) донесла в НКВД на своих односельчан, которые поддерживали связь с украинскими повстанцами⁴⁹. Иногда информаторами становились лица, связанные с польским подпольем, как Альбин Миллер из Калуша. В сентябре 1944 г. он согласился помогать органам НКВД выявлять фольксдойче и воров, получив псевдоним «Малов». Миллер несколько раз встречался с энкаведистом, который его завербовал, и передал последнему материалы на 160 калушан-фольксдойче. Однако уже в январе 1945 г. информатора арестовали по обвинению в принадлежности к АК. Во время следствия Альбин Миллер отрицал свою вину и утверждал, что являлся членом только польской самообороны от нападений УПА. Впрочем, 12 августа 1946 г. Военный трибунал войск МВД Станиславской области признал его виновным и приговорил к 3 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с применением к нему указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией от 7 июля 1945 г.⁵⁰

На завершающем этапе Второй мировой войны руководство СССР решило максимально уменьшить численность польского меньшинства в западных областях Украинской ССР. Подходящим средством для достижения цели, по мнению Кремля, было переселение поляков на их историческую родину. 9 сентября 1944 г. правительство Советской Украины заключило в Люблине соглашение об обмене населением с Польским комитетом национального освобождения. Согласно ему, право выехать в Польшу получили все желающие поляки и евреи, которые до 17 сентября 1939 г. были польскими гражданами. Репатриация должна была проводиться на добровольной основе⁵¹. Американский исследователь Тимоти Снайдер справедливо замечает, что советская власть, превращая западные области Украинской ССР в этнически гомогенные регионы, заигрывала с местным украинским населением и одновременно выбивала почву из-под ног в ОУН и УПА⁵².

Многие поляки, жившие на Станиславщине, отнеслись к репатриации негативно и не желали покинуть малую родину. Прежде всего это касалось зажиточной прослойки и жителей городов. Получили распространение следующие высказывания: «Куда мы поедem, война еще не закончена, границы Польши еще не установлены. У власти будет лондонское правительство Миколайчика. Армия, которая находится в Иране – будет здесь, все восточные земли отойдут Польше, поэтому мы ехать не желаем»⁵³. Основным методом

⁴⁹ Дж. Бурдс, *Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948)*, Москва-Нью-Йорк 2006, с. 156.

⁵⁰ Архів УСБУ ІФО, спр. 13601 П, т. 2, арк. 520, 544-544 зв.; там же, т. 4, арк. 942 зв. – 943 зв.

⁵¹ R. Drozd, I. Hałagida, *Ukraińcy w Polsce 1944-1989. Walka o tożsamość (Dokumenty i materiały)*, Warszawa 1999, s. 29.

⁵² Т. Снайдер, *Перетворення націй. Польща, Україна, Литва, Білорусь 1569-1999*, Київ 2012, с. 222-223.

⁵³ ДАІФО, ф. П-1, оп. 1, спр. 168, арк. 157.

противодействия переселению стала агитация. Например, в ночь с 21 на 22 октября 1944 г. неизвестные расклеили по Коломые листовки на польском языке с призывом игнорировать Люблинское соглашение. В Долинском районе римско-католический ксендз убеждал поляков, что западные области Украинской ССР будут принадлежать Польше и агитировал против репатриации⁵⁴. В Станиславе члены Польского комитета опеки (ПКО) ходили по квартирам и призывали людей не торопиться с подачей заявлений на выезд. Болеслав Буяльский, председатель этой общественной организации, говорил: «Советский Союз хочет выгнать поляков из Западной Украины и Белоруссии, чтобы они не имели территориальных претензий в дальнейшем и, используя свой авторитет в международной обстановке, он этого добьется любыми средствами. Но поляки не должны выезжать, так как если они сейчас уедут, то навсегда потеряют эти земли. Нужно дождаться окончательного решения польского вопроса, которое будет принято после войны и только тогда решать вопрос о выезде»⁵⁵.

Советская власть преследовала лиц, которые призывали поляков воздержаться от репатриации. В частности, 3 января 1945 г. органы госбезопасности арестовали вышеупомянутого Буяльского. Помимо агитации за невыезд в Польшу, ему инкриминировали содействие немецким оккупантам. Дело в том, что он как председатель ПКО издал в мае – июне 1944 г. обращение к полякам Станислава с призывом выполнять приказы немецкого командования об участии населения в строительстве оборонительных сооружений. Болеслав Буяльский утверждал, что его к этому побудили угрозы оккупантов отправить мужчин в концлагеря, а их семьи – в Германию. Тем не менее такое объяснение не удовлетворяло следователей. 30 января 1945 г. было издано постановление о направлении Буяльского в спецлагерь НКВД, но вскоре, 12 марта, он умер от тифа в тюрьме⁵⁶.

С каждым днем все более очевидной становилась напрасность ожиданий на восстановление Польши в границах 1939 г., а количество репатриантов росло. Можно выделить несколько основных мотивов, которые подталкивали людей к переселению на историческую родину. Одни поляки выезжали, потому что хотели жить в собственном национальном государстве, другие – из-за страха перед советскими репрессиями, а третьи (в основном жители сельской местности) – из-за страха перед УПА⁵⁷. В конце 1945 – первой половине (январь – май) 1946 гг. пассивное сопротивление репатриации на территории Станиславской области оказывали костелы, которые заявляли, что выедут вместе

⁵⁴ Там же, спр. 169, арк. 45.

⁵⁵ *Польща та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття: невідомі документи з архівів спеціальних служб*, т. 2: *Переселення поляків та українців 1944-1946*, Варшава-Київ 2000, с. 254-255.

⁵⁶ Архів УСБУ ІФО, спр. 98 П, арк. 1, 16-18, 22, 25.

⁵⁷ А. Wylegała, *Polacy w Galicji podczas drugiej wojny światowej: doświadczenie i pamięć*, „Wrocławski Rocznik Historii Mówionej” 2014, t. 4, s. 63-64.

с последним своим прихожанином. Поляки же ждали отъезда храмов. Чтобы решить эту проблему, власть провела три совещания с римско-католическим духовенством, на которых был составлен график выезда костелов. После этого переселение активизировалось. «С каждым эшелонам, где ехали костелы, отъезжало 40-50 вагонов польских граждан»⁵⁸. В целом из Станиславщины в 1944-1946 гг. репатриировалось в Польшу: по одним данным, 77930 человек, по другим – 81261. По состоянию на октябрь 1946 г. местное польское меньшинство насчитывало 8736 человек⁵⁹.

Репатриация стала одним из факторов постепенного уменьшения числа поляков среди бойцов истребительных батальонов. Другим было то, что советская власть во все больших масштабах привлекала к службе в них украинцев. На 1 апреля 1945 г. в ИБ Богородчанского РО НКВД, например, остался только один поляк⁶⁰. По данным от 20 мая того же года, Надворнянский истребительный батальон насчитывал 123 бойца. Из них поляками были 16 человек (13%)⁶¹. Впрочем, в отдельных местностях численное превосходство поляков над «стрибками» других национальностей сохранялось в течение длительного времени. В частности, по состоянию на 16 февраля 1945 г. в двух истребительных батальонах Отынийского района служили 150 бойцов: 81 поляк (54%) и 69 украинцев (46%)⁶².

Польское подполье в условиях конфронтации с советской властью, по словам Тадеуша Бонковского, заместителя коменданта Станиславского инспектората АК/НЕ, сосредоточилось на: 1) агитации за уклонение от призыва в Народное Войско Польское; 2) укрывательстве имеющегося оружия; 3) агитации против репатриации; 4) диверсионно-террористической деятельности⁶³. Во время следствия Владислав Герман, руководитель Станиславского округа, сообщил, что особенно интересную информацию о подразделениях Красной Армии он получал от Коломыйского инспектората⁶⁴. Однако АК/НЕ постоянно несла потери вследствие арестов. По состоянию на 20 апреля 1945 г. органы НКВД и НКГБ задержали на Станиславщине 930 поляков⁶⁵. К сожалению, неизвестно скольких из них обвиняли в принадлежности к польскому подполью. Порой жертвами репрессий становились ни в чем невиновные люди, как арестованный 4 января 1945 г. Иосиф Вайман из Долины. Несмотря на то, что он отрицал свою причастность к польскому подполью, 23 мая того же года советские

⁵⁸ ДАІФО, ф. П-1, оп. 1, спр. 426, арк. 24-25.

⁵⁹ *Польща та Україна...*, с. 880-881, 904-905, 914-915.

⁶⁰ ДАІФО, ф. П-3, оп. 1, спр. 17, арк. 9.

⁶¹ Там же, ф. П-25, оп. 1, спр. 22, арк. 13.

⁶² Там же, ф. П-27, оп. 1, спр. 21, арк. 54.

⁶³ Архів УСБУ ІФО, спр. 13601 П, т. 3, арк. 783.

⁶⁴ *Proces szesnastu: dokumenty NKWD*, Warszawa 1995, s. 329.

⁶⁵ *Польща та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття: невідомі документи з архівів спеціальних служб*, т. 6: *Операція «Сейм» 1944-1946*, Варшава-Київ 2007, с. 682-683.

органы госбезопасности решили направить его в спецлагерь НКВД. Ваймана выслали в Ухту (Коми АССР). Лишь 13 февраля 1946 г. его освободили из-под стражи за недостатком улик⁶⁶. В августе 1945 г., осознав бесперспективность дальнейшей борьбы, руководство АК/НЕ в Галичине приняло решение о самоликвидации организации. Подпольщики получили приказ выезжать на западные земли Польши⁶⁷.

Отношения между польским населением и советской властью на Станиславщине в 1944-1946 гг. были противоречивыми. С одной стороны, их можно охарактеризовать как конфронтацию. Большевики вели борьбу с Армией Крайовой и ее преемницей – организацией «Независимость», а также с агитацией против репатриации поляков на историческую родину. С другой стороны, много представителей польского меньшинства сотрудничало с советской властью. Они служили в истребительных батальонах, работали в администрации и доносили в НКВД. Часто их к этому подталкивал страх перед УПА. Из-за польско-украинского вооруженного конфликта срабатывал принцип «враг моего врага – мой друг». Советская власть, в свою очередь, использовала межнациональные противоречия для борьбы с украинским освободительным движением.

Библиография

Архивы

Arkhyv Upravlinnia Sluzhby bezpeky Ukrainy v Ivano-Frankivskii oblasti (Arkhyv USBU IFO)
Derzhavnyi arkhiv Ivano-Frankivskoi oblasti (DAIFO)
Elektronnyi arkhiv ukrainskoho vyzvolnoho rukhu

Опубликованные источники

Drozd R., Hałagida I., *Ukraińcy w Polsce 1944-1989. Walka o tożsamość (Dokumenty i materiały)*, Warszawa 1999
Litopys UPA. Nova seriia, t. 28: *Stanyslavivska okruha OUN: dokumenty i materiały referentury SB. 1945-1951*, kn. 1: *1945-1946*, Kyiv-Toronto 2018
Polsko-ukrainski stosunki v 1942-1947 rokakh u dokumentakh OUN ta UPA, t. 1: *Viina pid chas viiny. 1942-1945*, red. V. Viatrovych, Lviv 2011
Polshcha ta Ukraina u trydtsiatykh – sorokovykh rokakh XX stolittia: nevidomi dokumenty z arkhiviv spetsialnykh sluzhb, t. 2: *Pereselennia poliakov ta ukraintsiv 1944-1946*, Varshava-Kyiv 2000
Polshcha ta Ukraina u trydtsiatykh – sorokovykh rokakh XX stolittia: nevidomi dokumenty z arkhiviv spetsialnykh sluzhb, t. 6: *Operatsiia «Seim» 1944-1946*, Varshava-Kyiv 2007

⁶⁶ Архив УСБУ ІФО, спр. 7638 П, арк. 182, 191-197 зв., 260-261.

⁶⁷ T. Balbus, „Ostatni kapitanowie”..., s. 159-160.

Proces szesnastu: dokumenty NKWD, Warszawa 1995
Vneshniaia politika Sovetskogo Soiuzu v period Otechestvennoi voiny: dokumenty i materialy,
 t. 1: 22 iunია 1941 g. – 31 dekabria 1943 g., Moskva 1944

Исследования

- Balbus T., „*Ostatni kapitanowie*”. *Epilog Komendy Obszaru Lwowskiego „Nie” ewakuowanej na ziemie zachodnie Polski*, „Pamięć i Sprawiedliwość” 2002, nr 2 (2)
- Balbus T., *Polskie «istriebitelne bataliony» NKWD w latach 1944-1945*, „Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” 2002, nr 6 (17)
- Bonusiak W., *Małopolska Wschodnia pod rządami Trzeciej Rzeszy*, Rzeszów 1990
- Burds Dzh., *Sovetskaia agentura: Ocherki istorii SSSR v poslevoennye gody (1944-1948)*, Moskva-Niu-Iork 2006
- Ilnytskyi V., *Stvorennia ta diialnist u zakhidnykh oblastiakh URSR radianskykh paramilitarynykh formuvan (1944-1954 rr.)*, «Z arkhiviv VUCHK-HPU-NKVD-KHB» 2011, № 2 (37)
- Istoriia mist i sil Ukrainskoi RSR*, t. 9: *Ivano-Frankivska oblast*, Kyiv 1971
- Jastrzębski S., *Samoobrona Polaków na Kresach Południowo-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1946*, Wrocław 2008
- Krajewski K., *Na straconych posterunkach: Armia Krajowa na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej*, Kraków 2015
- Mazur G., *Pokucie w latach drugiej wojny światowej: położenie ludności, polityka okupantów, działalność podziemia*, Kraków 1994
- Motyka G., *Vid Volynskoi ryzanyny do operatsii «Visla»*. *Polsko-ukrainskyi konflikt 1943-1947 rr.*, Kyiv 2013
- Samborskyi Ye., *Spivpratsia poliakov Zakhidnoi Ukrainy z radianskymy karalno-represyvnymy orhanamy (1944-1946 rr.)*, «Aktualni problemy vitchyznianoi ta vsesvitnoi istorii: naukovy zapysky Rivnenskoho derzhavnoho humanitarnoho universytetu» 2011, Vyp. 22
- Snaider T., *Peretvorennia natsii. Polshcha, Ukraina, Lytva, Bilorus 1569-1999*, Kyiv 2012
- Starodubets H., *Osoblyvosti formuvannia ta diialnosti vynyshchuvalnykh batalioniv u 1944-1945 rokakh*, «Ukrainskyi vyzvolnyi rukh» 2010, № 14
- Sura K., *Czas „Burzy” w świetle bieżących publikacji konspiracyjnego pisma lwowskiego „Słowo Polskie”*, Materiały Ogólnopolskiego Sympozjum nt.: *Operacja zbrojna Armii Krajowej kryptonim „Burza” na ziemiach Kresów Płd.-Wsch. II-giej Rzeczypospolitej w 1944 r.*, oprac. i red. J. Kwiek, Kraków 1994
- Węgiński J., *Armia Krajowa w okregach Stanisławów i Tarnopol*, Kraków 1996
- Wylegała A., *Polacy w Galicji podczas drugiej wojny światowej: doświadczenie i pamięć*, „Wrocławski Rocznik Historii Mówionej” 2014, t. 4
- Zychowicz P., *Z wrogiem na wroga (fragment „Rzeczypospolitej” od 16 stycznia 2010 r.)*, www.nawolyniu.pl/artykuly/bataliony.htm (data obrashcheniia: 22.03.2019 g.)

Summary

Between confrontation and cooperation: the Polish population and Soviet power in Stanislav region in 1944-1946

In the article the relationship between the Polish population and the Soviet power in Stanislav region in 1944-1946 has been investigated. The activity of the local Polish underground and the attitude of the Bolsheviks towards it have been characterized. The resistance of the Poles to repatriation to their historical homeland has been highlighted. The forms of cooperation between the Polish population and the Soviet power (service in destruction battalions, work in the administration and denunciation) have been demonstrated. The reasons for this behavior have been analyzed. The thesis that the cooperation of the Poles with the Bolsheviks aggravated the Polish-Ukrainian relations in the region has been substantiated. It has been argued that the relationship between the Polish population and the Soviet power was contradictory.

